
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УДК 33:346.5

*Е.В. Михайлова**

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье проанализированы легальные понятия «компетенция», «подведомственность» и «юрисдикция», предметный и субъектный критерии разграничения подведомственности споров арбитражным судам и судам общей юрисдикции, предложен новый подход к определению критериев такого разграничения.

Ключевые слова: государственная защита, компетенция, подведомственность, юрисдикция, критерии подведомственности, юридическое лицо, организация.

Как известно, государственная защита гражданских прав осуществляется в строгом соответствии с подведомственностью возникшего спора. Прежде всего следует особо отметить тот факт, что в отечественном законодательстве используется три специальных термина, весьма между собой схожих: «компетенция», «подведомственность» и «юрисдикция». Необходимо их четко разграничить, определив правовое значение и содержание каждого.

Полагаем, что наиболее общее понятие – «компетенция». Его используют применительно ко всем органам государственной власти. Суд как орган государственной власти также обладает собственной компетенцией.

В литературе указывают, что под компетенцией государственного органа понимается совокупность прав и обязанностей органа, необходимых для выполнения возложенных на него задач [1, с. 22]. Содержанием компетенции являются соответствующие полномочия государственного органа: «государственно-властные полномочия находят выражение в компетенции государственных органов, под которой следует понимать совокупность предметов их ведения и полномочий, которыми они наделены в отношении этих предметов ведения. Компетенция ор-

* © Михайлова Е.В., 2011

Михайлова Екатерина Владимировна (e.v.mihailova@yandex.ru), кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ганов государства определяется Конституцией Российской Федерации, конституциями и уставами ее субъектов, законами Российской Федерации и ее субъектов, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации и исполнительных органов ее субъектов, положениями об органах и другими нормативными правовыми актами. Надо сказать, что властными полномочиями в Российской Федерации располагают не только органы государства, но и органы местного самоуправления. Однако властные полномочия последних не носят государственного характера и не осуществляются от имени Российской Федерации» [10, с. 163].

Компетенция является третьей и основной частью правового статуса государственных коллективных субъектов права и состоит из совокупности властных полномочий относительно определенных предметов ведения. Ее первый элемент включает обязанности и права, связанные с осуществлением власти, участием во властных отношениях, в том числе и право издавать определенные акты. Второй элемент компетенции – подведомственность, правовое закрепление круга объектов, предметов, дел, на которые распространяются властные полномочия. Компетенцию можно взять в функциональном разрезе (в области планирования, контроля и т. д.), применительно к определенным субъектам (иным государственным, муниципальным органам, предприятиям и учреждениям, общественным объединениям, гражданам). А компетенцию органов общей компетенции необходимо рассматривать еще в отраслевом разрезе: в сфере обороны, образования, здравоохранения, транспорта и т. д. [5, с. 88].

Ю.А. Тихомиров, исследуя историко-правовой аспект формирования понятия «компетенция», пишет: «Смысл понятия “компетенция” произведен от латинского “competentia” – принадлежность по праву, то есть круг полномочий учреждения или лица. <...> В трактовке компетенции наблюдаются различные подходы. Довольно часто конкурирующими понятиями являются права и обязанности, полномочия, функции и предметы ведения, юрисдикция, подсудность и подведомственность. В самом деле, определить их соотношение между собой по объему и содержанию сложно, к тому же для разных видов субъектов. <...> В самом общем виде компетенция есть комплекс легально установленных способов осуществления публичных функций. Она состоит из элементов двоякого рода. К собственно компетенционным элементам относятся предметы ведения как юридически определенные сферы и объекты воздействия, а также властные полномочия как гарантированная законом мера принятии решений. К сопутствующим элементам следует отнести прежде всего цели как долгосрочную нормативную ориентацию, выражающуюся в непрерывном решении возникающих задач посредством осуществления компетенции. Таковой является и обязанность действовать, касается ли это государства или его органов и должностных лиц. Без нее компетенция теряет главное – публично-правовое обеспечение с помощью разных средств. <...> Компетенцией обладают все государственные институты и органы – Президент, парламент, Правительство, министерство, губернатор и т. д.» [12]

Таким образом, суд, как и любой другой орган государственной власти, обладает определенной компетенцией, позволяющей реализовать задачи государственного управления в сфере осуществления правосудия. При этом необходимо учитывать то, что термин «компетенция», в отличие от категории «подведомственность», – понятие не процессуальное, поэтому законодатель, говоря о компетенции арбитражного суда и включая в нее подведомственность и подсудность, не совсем точен.

Как уже указывалось, компетенция структурно состоит из полномочий. В свою очередь, полномочия характеризуют такие права и обязанности органа

государственной власти, которые непосредственно связаны с реализацией им тех функций, для осуществления которых он был изначально создан. Все прочие права и обязанности, входящие в компетенцию государственного органа, направлены на осуществление сопряженных с основными функций, без которых невозможно реализовать свои основные задачи – например, решение хозяйственных вопросов обеспечения деятельности того или иного органа.

Таким образом, специальные, строго определенные полномочия суда как органа государственной власти по отправлению правосудия и есть его юрисдикция, которая может быть общей (Конституционный Суд РФ, суды общей юрисдикции) и специальной (арбитражные суды). Заметим, что в специальной литературе можно встретить мнение о том, что судебная система России представлена не как трехзвенное, а как четырехзвенное государственное образование, подобное расширение происходит за счет включения в судебную систему третейских судов. Так, например, Л.Н. Анисимов и В.М. Бакун пишут: «в Российской Федерации имеет место несколько разновидностей судов, рассматривающих дела в порядке гражданского судопроизводства: 1) суды общей юрисдикции; 2) арбитражные суды; 3) третейские суды» [2]. Данное мнение, вероятно, основано на самом факте существования ст. 11 ГК РФ, которая называется «Судебная защита гражданских прав» и содержит следующее положение: защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд (далее – суд).

Между тем представляется бесспорным тот факт, что третейские суды не входят в судебную систему РФ и не осуществляют правосудия. Кроме этого, совершенно недопустимо исключать из структурных составляющих отечественной судебной системы или приравнивать по статусу к судам общей юрисдикции Конституционный Суд РФ, несомненно, обладающий собственными компетенцией и юрисдикцией. Следует согласиться с мнением о том, что «государственная судебная власть в России в настоящее время состоит из судов трех ветвей: Конституционного Суда, судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [13, с. 73].

Правильно, на наш взгляд, отмечают, что, «говоря о компетенции судебных органов, зачастую используют специальный термин — «юрисдикция суда».

Традиционно юрисдикцией называют право решать правовые вопросы (спору), однако более точным будет определение судебной юрисдикции как совокупности полномочий конкретного суда (или соответствующих видов судов) по осуществлению судебной власти» [6].

Главным в этом определении является указание на то, что юрисдикция есть совокупность «полномочий по осуществлению судебной власти», так как суды, помимо осуществления правосудия, вступают в различные хозяйственные и административные отношения, к примеру, строят подъездные к зданию суда дороги, автостоянки, занимаются текущим ремонтом зданий суда и т. п. (так, иск по спору, в котором лицом, участвующим в деле, является арбитражный суд, предъявляется в Арбитражный суд Московской области, за исключением случая, если лицом, участвующим в деле, является арбитражный суд, расположенный на территории Московского судебного округа. В этом случае иск предъявляется в Арбитражный суд Тверской области – ч. 3.1 ст. 38 АПК РФ) – и все это входит в их общую компетенцию. И.Л. Бурова справедливо утверждает, что «компетенция – это свойство государственного органа, определяющее объем его полномочий. Понятно, что всякий юрисдикционный орган может быть наделен широким объемом полномочий, в том числе не связанных с осуществлением деятельности по рассмотрению и разрешению споров о праве и других юридических дел» [7, с. 18].

Что касается такого понятия, как «подведомственность», то оно в подавляющем большинстве случаев рассматривается исследователями совместно с понятием «подсудность» и характеризует не компетенцию соответствующего судебного органа, а правовое свойство самого гражданского дела. Присоединяемся к мнению И.Л. Буровой, полагающей, что «понятие подведомственность неотделимо от другого понятия – дело, без связи с которым оно лишено всякого смысла. Значит, подведомственность – это свойство, характеризующее дело, и в этом его принципиальное отличие от компетенции» [7, с. 19].

«Следует остановиться еще на двух терминах, производных от понятия компетенции – “подведомственность” и “подсудность”, – пишет М.В. Боровский, – первое понятие разрабатывалось преимущественно в рамках науки гражданского процесса и выражает разграничение компетенции судов и иных органов по разрешению споров о праве и иных правовых вопросов, т. е. определяет “внешние границы” судебной юрисдикции. Подсудность же означает разграничение компетенции по рассмотрению правовых вопросов между различными судами, “внутри” судебной системы, т. е. в конечном счете позволяет определить конкретный суд, правомочный рассмотреть конкретное дело» [6].

Итак, подведомственность есть юридическая характеристика самого гражданского дела, определяющая принципиальную возможность или невозможность рассмотрения данного дела в суде общей юрисдикции или арбитражном суде. Следовательно, можно говорить о том, что юрисдикцию суда составляют полномочия на разрешение подведомственных ему дел. В этом смысле арбитражные суды – это суды специальной юрисдикции (в противовес судам общей юрисдикции). Они вправе разрешать только те категории споров, которые прямо, в силу непосредственного указания закона, подлежат их рассмотрению. Все прочие дела – в ведении судов общей юрисдикции. В этой связи нужно согласиться с В.В. Ярковым: «Следует еще раз подчеркнуть, что арбитражные суды – это суды специальной компетенции в рамках гражданской юрисдикции. Арбитражные суды, как и Конституционный Суд РФ, вправе рассматривать только те дела, которые прямо отнесены к их компетенции в соответствии с федеральными законами» [3, с. 41].

Итак, неверно говорить о компетенции арбитражных судов в контексте рассуждений о подведомственных им делах. Нужно говорить о юрисдикции. Поэтому представляется некорректным наименование главы 4 АПК РФ – «Компетенция арбитражных судов».

Подведомственность дел арбитражному суду определяется в тексте ст. 27 АПК РФ. При этом закон не решает, пожалуй, главный вопрос: какие конкретно категории дел призваны разрешать арбитражные суды и что следует понимать под термином «экономические споры»?

Использование в арбитражном процессуальном законодательстве формулировки: «дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности» – ставит перед правоприменителем целый ряд проблем.

Понятие «предпринимательской деятельности» может быть заимствовано из соответствующей нормы ГК РФ. В соответствии с положением ч. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Но понятие «экономическая деятельность» должно быть, исходя из толкования АПК РФ, шире понятия «предпринимательская деятельность». И опираясь

на используемую законодателем формулировку, эти категории нельзя отождествлять.

Между тем легального определения понятия «экономическая деятельность» не существует.

Какой вывод можно сделать из этого? Только один: решение вопроса о подведомственности гражданских дел на сегодняшний день отдано на усмотрение суда.

Парадоксальность данной ситуации была отмечена в свое время В.В. Путиным, который на торжественном заседании, посвященном 10-летию арбитражных судов, указал, что четкое разграничение подведомственности дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами по-прежнему остается одной из проблем российской правовой системы, которая позволяет людям недобросовестным использовать эту слабость правовой системы в личных либо корпоративных интересах во вред экономике страны и во вред стране в целом [8, с. 6]. Спустя довольно значительный период времени обозначенная проблема, к сожалению, не решена.

Доктрина арбитражного процессуального права изобилует попытками дать определение экономической деятельности.

Часто ссылаются на определение экономической деятельности, данное Министерством экономики РФ, Комитетом РФ по стандартизации, метрологии и сертификации и закрепленное в 2003 г. в тексте Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, продукции и услуг: экономическая деятельность как процесс есть сочетание действий, приводящих к получению определенного перечня продукции. Это достигается тогда, когда объединяются ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье и материалы) и производственный процесс для создания конкретных товаров и услуг [14].

М.А. Рожкова отмечает, что «в период создания системы арбитражных судов было вполне оправданным введение в законодательство понятия “экономические споры”, под которыми подразумевались в основном споры, возникающие в процессе предпринимательской деятельности. Тем самым законодатель провел “границу” между спорами, подведомственными судам общей юрисдикции, и спорами, подведомственными арбитражным судам. Но даже тогда отмечалась неопределенность термина «экономические споры» [11, с. 49–59].

При этом непонятно, конечно, зачем определять дела через категорию «экономические споры», подразумевая при этом «предпринимательские споры», коль скоро легальное определение последних в российском законодательстве давно присутствует, определения же экономического спора нет и не предвидится. М.А. Рожкова пишет: «Поскольку рассматриваемый термин закреплен Конституцией РФ (ст. 127), ныне действующий АПК, к сожалению, сохранил определение подведомственных арбитражному суду споров как споров “экономических”. Думается, что данное положение нуждается в коррективах» [11, с. 49–55].

Т.К. Андреева полагает, что «понятие экономической деятельности широко используется в законодательстве и правоприменительной практике и связывается с определенной сферой общественных отношений. В отличие от предпринимательства, предполагающего систематическое получение прибыли, иная экономическая деятельность не направлена непосредственно на систематическое получение прибыли как приоритетной цели деятельности, но тем не менее приносит доход. По своей природе такая деятельность имеет экономическую основу, связана с хозяйствованием, с удовлетворением материальных потребностей и интересов в сфере общественного производства. При этом закон не связывает иную экономическую деятельность с наличием у лиц, ее осуществляющих, определен-

ного статуса, приобретаемого в установленном законом порядке, как это предусмотрено в ст. 2 ГК РФ применительно к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. В этом смысле в качестве иной экономической деятельности можно, по-видимому, рассматривать хозяйственную деятельность, связанную с заключением гражданско-правовых договоров имущественного характера, осуществляемую некоммерческими организациями, финансовую деятельность органов государственной власти и местного самоуправления и т. п.» [4, с. 99].

В.В. Ярков также указывает, что «экономический характер спора проявляется не только в осуществлении предпринимательской деятельности, но и в доступе к этой деятельности, а также в предъявлении иных имущественных требований» [3, с. 43].

Таким образом, большинство процессуалистов сходится во мнении, что «экономический спор» — это частноправовой имущественный спор, не подпадающий под определение предпринимательской деятельности, закрепленное в тексте ст. 2 ГК РФ.

Тогда возникает вопрос: чем «иное имущественное требование» по существу отличается от того имущественного требования, которое будет являться предметом судебного рассмотрения в суде общей юрисдикции?

Так что следует признать, что в отношении разграничения предметной подведомственности гражданских дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами на сегодняшний день безраздельно властвует судебное усмотрение, порождающее, в свою очередь, возможности для судебного произвола и злоупотребления.

Интересно, что Г.А. Гаджиев при рассмотрении вопроса о сущности экономических прав и свобод предлагает обратиться к их перечню, содержащемуся в Конституции РФ. Он пишет: «Перечень основных экономических прав и свобод в Конституции Российской Федерации и в основных законах зарубежных государств (ФРГ, Испания, Франция, Италия) в целом совпадает. Это означает, что обществу, в котором существует (или только складывается) рыночная экономика, имманентно присуще признание таких конституционных прав, как свобода предпринимательской деятельности, свобода договора, право частной собственности, право на выбор рода занятий и профессии и т. д., которые составляют каркас правовой инфраструктуры рынка. Содержащийся в Конституции Российской Федерации перечень конституционных экономических прав и свобод, а также предусмотренные ею способы их защиты достаточны для формирующейся рыночной экономики. Этот перечень, как и в конституциях ряда зарубежных стран, не является исчерпывающим, поскольку когда общепризнанные международно-правовые нормы предусматривают более высокий уровень основных экономических прав и свобод, то они также гарантируются в России (статья 55, часть 1 Конституции)» [9, с. 2]. Однако вызывает сомнения, что право на выбор рода занятий и профессии следует отнести к числу экономических прав и, следовательно, рассматривать в рамках арбитражного судопроизводства.

В целях изменения данной неоднозначной в правовом и социальном смыслах ситуации можно предложить исключить из правового легального обихода термин «экономические», ограничившись использованием устоявшегося понятия предпринимательства, коль скоро дать исчерпывающее, строгое определение экономической деятельности не представляется возможным.

При этом суду не следует давать волю определять подведомственность дела по собственному усмотрению — вообще, чем меньше возможностей у судьи ссы-

латься на собственное мнение, тем выше гарантии независимости и беспристрастности судебной власти в государстве.

Если же в ряде случаев не удастся выявить так называемый специфический экономический «привкус» того или иного гражданского дела, следует помнить о том, что арбитражный суд – это судебный орган специальной компетенции, и в тех ситуациях, когда возникает «конкуренция» между ним и судом общей юрисдикции, «предпочтение» должно отдаваться общим судам.

Таким образом, в отношении предметной подведомственности следует признать невозможность использования ее в качестве единственного и самостоятельного критерия разграничения дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Здесь на помощь приходит другой критерий – субъектный.

В.В. Ярков отмечает, что «субъектный состав сторон и третьих лиц, участвующих в деле, позволяет более точно разграничить подведомственность между двумя органами судебной власти: судами общей юрисдикции и арбитражными судами» [3, с. 41].

Часто говорят о том, что основные участники арбитражного процесса – это индивидуальные предприниматели и юридические лица.

Интересным является следующий момент. В ГПК РФ закреплено, что суды общей юрисдикции разрешают гражданские дела с участием граждан и организаций.

В АПК РФ установлено, что арбитражное судопроизводство направлено на защиту прав организаций, являющихся юридическими лицами, и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке (ч. 2 ст. 27 АПК РФ). И здесь же, в рамках одной статьи, арбитражные суды рассматривают подведомственные им дела с участием российских организаций, граждан Российской Федерации, а также иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую деятельность, организаций с иностранными инвестициями, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации (ч. 5 ст. 27 АПК РФ).

Напрашивается вывод о том, что, по мысли законодателя, дела с участием организаций, не являющихся юридическими лицами, во всех случаях следует направлять в суд общей юрисдикции, а в тексте ч. 5 ст. 27 АПК РФ допущена неточность. Так ли это?

ГК РФ в главе 4 «Юридические лица» одновременно оперирует понятиями «юридические лица» и «организации», следовательно, объектами правовой защиты являются как те, так и другие.

Термин «организация» в ряде случаев в тексте закона подменяет собой термин «юридическое лицо» (см., например, ч. 1 ст. 50 ГК РФ «Коммерческие и некоммерческие организации»: юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации)).

Таким образом, для правильного определения субъектного критерия подведомственности дел арбитражному суду важно определить сущностные признаки как юридического лица, так и организации.

Исходя из соответствующих норм ГК РФ, юридическое лицо – это организация, возникающая с момента государственной регистрации, действующая на ос-

новании определенных в законе учредительных документов через свои органы и прекращающая свое существование в момент внесения в Единый государственный реестр юридических лиц записи о ликвидации данного юридического лица.

Организаций «в чистом виде» ГК РФ не позиционирует. Это видно из положения ч. 2 ст. 1 закона: граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Отсюда следует очень важный вывод, а именно: субъектами гражданского права являются только физические и юридические лица; термин «организация» в правовом смысле синонимичен термину «юридическое лицо»; только такая организация является субъектом правовой деятельности, которая была зарегистрирована в установленном законом порядке в качестве юридического лица. Кроме того, в соответствии с положением ст. 3 ФЗ «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ создаваемые гражданами общественные объединения могут регистрироваться в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, и приобретать права юридического лица либо функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица.

Таким образом, организацией в правовом смысле следует считать основанное на договоре объединение граждан в целях осуществления деятельности (коммерческой или некоммерческой), не противоречащей принципам ГК РФ.

Ввиду многовариантности таких возможных объединений и соответствующей ей многовариантности целей деятельности и внутренних взаимоотношений участников было бы нецелесообразно и, пожалуй, невозможно закрепить исчерпывающий перечневой список организаций в тексте закона. Статья 7 ФЗ «Об общественных объединениях» официально делает это, указывая, что общественные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация; общественное движение; общественный фонд; общественное учреждение; орган общественной самодеятельности; политическая партия. Однако, на наш взгляд, вряд ли такое положение вполне легитимно в силу того, что Конституция РФ позволяет любые формы общественных объединений, за исключением тех, которые в качестве целей своей деятельности имеют противоправные действия.

В силу необходимости придать действующему российскому законодательству свойства единообразия и терминологической согласованности предлагаем или исключить из текста правовых норм термин «организация», оставив его использование социологам, или же изменить формулировку ч. 2 ст. 1 ГК РФ на следующую: граждане (физические лица) и организации приобретают и осуществляют свои права своей волей и в своем интересе, — приведя в соответствие положения ГК РФ и ГПК РФ.

Исходя из вышесказанного, мы рассматриваем юридические понятия «организация» и «юридическое лицо» как одноуровневые. Их совместное, подчас взаимозаменяющее использование в рамках гражданского законодательства убедительно свидетельствует о том, что все требования, обращенные государством к юридическим лицам, равным образом распространяются и на организации — субъекты права.

В контексте рассмотрения субъектного критерия подведомственности гражданских дел нельзя признать логичным и оправданным отнесение всех споров, сторонами которых являются юридические лица, к ведению арбитражных судов, поскольку в ряде случаев юридические лица могут не осуществлять ни предпринимательскую, ни экономическую деятельность (некоммерческие организации).

С другой стороны, организации могут заниматься как предпринимательской, так и экономической деятельностью только при условии принятия ими формы юридического лица.

Ставя знак равенства между понятиями «юридическое лицо» и «организация», в вопросах разграничения подведомственности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами на первый план мы выдвигаем характер осуществляемой ими деятельности. Нужно отметить, что законодатель также первоочередное значение придает именно характеру осуществляемой субъектом деятельности: ст. 2 АПК РФ провозгласила, что одна из задач арбитражного судопроизводства — «защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность».

Что касается возможности осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности организациями, не являющимися юридическими лицами, то исходя из того, что предпринимательская деятельность — это деятельность, осуществляемая лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (ч. 1 ст. 2 ГК РФ), осуществление незарегистрированными в правовом поле организациями предпринимательской деятельности невозможно по определению, а осуществление иной экономической деятельности такой незарегистрированной организацией будет являться, по сути, деятельностью отдельных физических лиц.

По причине формальной неопределенности понятий «юридическое лицо» и «организация» следует все же остановиться на использовании термина «юридическое лицо» как более четком, а категорию «организация», более широкую по смыслу, понимать именно в значении «юридическое лицо»; в тексте процессуального закона следует закрепить: арбитражные суды разрешают споры с участием граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке, и юридических лиц.

Как уже указывалось, в силу неопределенного характера понятия «экономическая деятельность», его применимости в равной мере как к сфере предпринимательства, так и к сфере «обычных» хозяйственных отношений именно осуществление субъектом предпринимательской деятельности должно быть определено как предметный критерий разграничения юрисдикций общих судов и арбитражных.

По причине того, что осуществлять предпринимательскую деятельность граждане могут, лишь действуя в правовом статусе индивидуального предпринимателя, а организации — с условием выполнения всех соответствующих требований по государственной регистрации, субъектный критерий может и должен быть использован в качестве прикладного к предметному, и судья, принимая исковое заявление, должен убедиться в том, что заявитель должным образом легитимировал и себя, и ответчика по делу.

Если же выяснится, что предпринимательскую деятельность осуществляет лицо (физическое или юридическое), которое в соответствии со своей гражданской правоспособностью не вправе ее осуществлять [см. об этом: 15], то на основании рассмотренного нами выше предметного критерия арбитражный суд не полномочен рассматривать данное дело и должен прекратить производство в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, разъяснив в своем определении право заявителя обратиться в суд общей юрисдикции. На наш взгляд, это не совсем правильно в смысле «укрепления законности и предупреждения правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (п. 4 ст. 2 АПК

РФ), поскольку осуществление незаконной предпринимательской деятельности квалифицируется как преступление в сфере экономической деятельности на основании ст. 171, 174 и 174.1 УК РФ, и в том случае, если заявитель решит не передавать спор в суд общей юрисдикции, данный противоправный факт может не быть обнаружен. Кроме этого, арбитражные суды не наделены правом выносить частные определения и не могут таким образом сигнализировать об обнаруженных признаках состава преступления в компетентные органы. Поэтому предлагаем дополнить АПК РФ нормой следующего содержания: в случае обнаружения арбитражным судом в процессе арбитражного судопроизводства фактов осуществления лицом или лицами незаконной предпринимательской деятельности арбитражный суд передает дело в суд общей юрисдикции в соответствии с подсудностью спора.

Если предметный критерий, который все же основной, не должен допускать каких-либо исключений, то субъектный характеризуется двумя такими изъятиями: во-первых, заявление, принятое арбитражным судом к своему производству с соблюдением правил подведомственности, должно быть рассмотрено им по существу, хотя в дальнейшем к участию в деле и будет привлечен гражданин, не имеющий статуса индивидуального предпринимателя, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора (ч. 4 ст. 27 АПК РФ); во-вторых, исключениями является ряд случаев специальной подведомственности дел арбитражному суду (см. ст. 33 АПК РФ) – например, споры об отказе в государственной регистрации, уклонении от государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей; споры, вытекающие из деятельности государственных корпораций и связанные с их правовым положением, порядком управления ими, их созданием, реорганизацией, ликвидацией, организацией и полномочиями их органов, ответственностью лиц, входящих в их органы; о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Причем обращаем внимание на то, что первый случай связан все же с участием в арбитражном процессе «нехарактерного субъекта» в качестве всего лишь третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, тогда как второе исключение напрямую затрагивает статус стороны спора.

Мы рассмотрели ряд проблем, касающихся подведомственности гражданских дел арбитражному суду. На сегодняшний день основной критерий – предметный – не нашел своего четкого закрепления в рамках действующего процессуального законодательства. Формулировка «экономическая деятельность» с ее размытостью, неопределенностью порождает многочисленные возможности для злоупотреблений со стороны в первую очередь суда. Предлагаем исключить ее из легального использования, оставив арбитражным судам сферу предпринимательских споров, легально определенную в тексте ГК РФ.

Понятие «общая юрисдикция» позволит общим судам в случае возникновения каких-либо коллизий взять на себя изначально присущие им функции по разрешению не только общехозяйственных споров, но и споров, связанных со специфической деятельностью, имеющей экономическую направленность.

Библиографический список

1. Абова Т.Е., Тадевосян В.С. Разрешение хозяйственных споров. М.: Юрид. лит., 1968. 176 с.
2. Анисимов Л.Н., Бакун В.М. Подведомственность и подсудность гражданских дел и индивидуальные трудовые споры. URL: <http://www.aasp.ru/info/articles/8/82.html>.

3. Арбитражный процесс / под ред. В.В. Яркова. М.: Юрист, 1998. 480 с. (Автор главы – В.В. Ярков).
4. Арбитражный процесс / под ред. М.К. Треушникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Зерцало, 2005. 448 с. (Автор главы – Т.К. Андреева).
5. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник для вузов. М.: НОРМА, 2000. 640 с.
6. Боровский М.В. Суды общей юрисдикции в Российской Федерации: проблемы и перспективы. // Черные дыры в российском законодательстве. 2001. № 1. С. 20–21.
7. Бурова И.Л. Подведомственность дел арбитражным судам: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 186 с.
8. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на торжественном заседании, посвященном 10-летию арбитражных судов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. Спец. прил. к № 5. С. 5–6.
9. Гаджиев Г.А. Основные экономические права: Сравнительное исследование конституционно-правовых институтов России и зарубежных государств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. 50 с.
10. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М.: Юрист, 2001. 520 с.
11. Рожкова М.А. Актуальные вопросы арбитражного процессуального права: соотношение гражданского и арбитражного процесса, понятие гражданского дела, диспозитивность в арбитражном процессе // Законодательство. 2001. № 10. С. 49–59 // СПС «ГАРАНТ». URL: <http://rozhkova-ma.narod.ru/articles/2001/A-VOPROSI.htm>.
12. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции // Журнал российского права. 2000. URL: http://www.juristlib.ru/book_1909.html.
13. Трещева Е.А. Субъекты арбитражного процесса. Ч. 1. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 212 с.
14. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, продукции и услуг от 01.01.2003 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=36623>.
15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 г. Москва «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» (опубликовано 7 декабря 2004 года) // Российская газета. 2004. Федер. вып. № 3648.

*E.V. Mihailova**

PRECONDITIONS OF STATE DEFENCE OF RIGHTS OF SUBJECTS OF ENTERPRENEURIAL AND OTHER ECONOMIC ACTIVITY

In the article the legal concepts of «competence», «jurisdiction», «judicature», object and subject criteria of delimitation of jurisdiction of arguments by arbitration court and court of general jurisdiction are analyzed. A new approach to the definition of criteria of such a delimitation is suggested.

Key words: state defence, competence, jurisdiction, judicature, criteria of jurisdiction, artificial person, organization.

* *Mihailova Ekaterina Vladimirovna* (e.v.mihailova@yandex.ru), the Dept. of Civil Procedural Law and Entrepreneurial Law, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.